

Николай Лесков

Русское общество в Париже

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Русское общество в Париже / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию,
2012. – 130 с.

ISBN 978-5-4241-2302-3

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2302-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В
ПАРИЖЕ
(1863 г.)

Очерки в письмах к редактору
журнала

(ПИСЬМО ПЕРВОЕ)

О Париже уже так много писано, что, как говорят, конца края написанному нет, и сказать о нем что-нибудь новое, способное еще хотя несколько заинтересовать и занять русского читателя, мне кажется необыкновенно как трудно. Я просто не знаю, о чем я стану писать в этих письмах, которых вы у меня так настойчиво просите, думая, что будет интересно, если я просто-напросто стану рассказывать о том, как живут в Париже наши русские. Свидетельствуюсь всею моею искренностью, что мне смерть как не хочется браться за эту материю и раскатывать свернутое и брошенное в архив моей памяти; но, исполняя данное мною вам обещание, все-таки сажусь описывать житье-бытье моих соотечественников в Париже, каким оно мне представлялось во время моего пребывания во французской столице, в 1863 году. Но при этом пусть между мною и вами будет одно условие: не претендуйте на меня, если письма эти выйдут вялы, тощи и бессвязны. Я их пишу почти что поневоле. Будьте снисходительны, и чур от меня не требовать ни художественной постановки лиц, ни округленных и законченных сцен, — словом, ничего того, что у нас называется «отделкою», «законченностью» и прочими словами несколько неопределенного значения. Я оговариваюсь так, собственно, не для вас — потому что вы сами знаете, как приятно писать о том, о чем писать не хочется, — а для читателей, если вы таки не откажетесь от мысли предать мои письма тиснению в вашем журнале. С читателем непременно нужно оговориться, потому что читатель по преимуществу фантазер: ему напишешь так, он пристанет: зачем не этак? а напиши ему этак, он опять придерется: зачем не так? На читателя никак угодить нельзя, потому что требования у него часто самые несообразные. Если вы найдете, что мои рассуждения о читателе могут ему показаться оскорбительными, могут задеть его амбицию, то вы вымарайте их из моего письма; но я вам по душе не советую этого делать, ибо читатель ни за что не вздумает обидеться моими невинными рассуждениями о его несообразительности. Наш читатель, как я вижу по возвращении моем на родину, привык даже не к таким комплиментам: его в эти прекрасные годы уж называли, как вам известно, и уколобым, и тупоголовым, и он ни за что подобное не обижался, и даже рьяно подписывался на издание, в котором его так трактовали. Такие любезности русскому читателю, к сожалению, не только не претят, но даже они ему как будто нравятся. Итак, задобривши таким манером и вас, и читателя, начинаю.

По моим соображениям, сначала должна идти

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАРИЖЕ

Россияне, находящиеся на постоянном жительстве в Париже и временно здесь обитающие, как с узаконенными письменными видами, так и без этих видов, разделяются на две главные группы. Люди одной группы называются елисеевцами, другие латинцами. Название, полученное первыми партизанами, не имеет ничего общего ни с купцом Елисеевым, продающим всякие насодательности, ни с литератором Елисеевым, который получил столь большую известность, обсуж-

дая вопросы: мужики люди ли? женщины люди ли? и хорошо ли народ учить грамоте? Парижские елисеевцы получили свое прозвание потому, что они живут или непосредственно в Champs-Élysées,¹ или в других улицах, неподалеку от place de la Concorde² или rue de Rivoli.³ Латинцы называются этим именем от Латинского квартала, по которому они рассеялись во всех направлениях, от Сены до верхнего конца Люксембургского сада.

Это — два главных деления парижского русского общества. Есть и другие, более подробные и более мелкие деления; но мы до них дойдем в свое время и в своем месте.

Латинец или елисеевец — понятия общие и довольно широкие. Я вам говорил, что елисеевцы расселены по окрестностям Champs-Élysées, а латинцы в Латинском квартале; но одно расселение не делает еще всей характеристики этих парижских обитателей. Бывает так, что штука-другая отобьется от своего стада и забежит в чужое; но она все-таки считается единицею своего стада, и в чужом стаде ей всегда неловко. Латинец иногда отобьется на тот бок Сены и там поселится; но это случается или по неопытности, по незнанию условий парижской жизни, или по каким-нибудь другим ошибочным расчетам. Одному, например, вздумается вдруг предаться усиленным занятиям, и покажется ему, что в Латинском квартале ему мешает сообщество земляков: он и уйдет на rue de Richelieu или даже на Батиньоль. Елисеевец тоже, иной раз по неопытности, погонится за латинской дешевизной и приютится где-нибудь в rue de Saine или rue Dauphine; но обоим им не по сердцу, не по натуре эти переселения. Через два дня после переселения заблудный латинец бредет вечером в Café de la Rotonde или в Kloserie, а елисеевец с rue de Saine потянется в палерояльские кафе или в rue de la Croix, на поповку. А там, смотришь, неделя-другая, и заблудшийся елисеевец и отбившийся латинец попадут снова в свое место, т. е. в ту часть Парижа, где им и следует обитать, по силе их собственной конституции.

Елисеевцы и латинцы не имеют почти никакой солидарности. Общего у них между собою только одни русские паспорта и посольский швейцар, которого они в равной мере имеют право видеть во всякое время, когда они зачем-нибудь обратятся в свое посольство. Елисеевцы не совсем то же самое, что в Петербурге называется аристократиею, хотя между ними и очень много того, что называется в Петербурге аристократиею. Елисеевцы, по своему происхождению, принадлежат или к российскому поместному дворянству, или к высшему достаточному чиновничеству. Они ведут в Париже жизнь семейную в довольстве, а чаще всего даже в изобилии. Латинцы, наоборот, народ холостой, одинокий, роскоши не знает, довольствуется самыми умеренными средствами — от 300 до 500 франков в месяц, — а весьма часто живут самым непонятным образом, без всяких средств. Общество елисеевцев состоит из особой обоего пола; латинцы же исключительно мужчины. Это в некотором роде — запорожцы в Париже. Русские женщины ни за что не селятся в Латинском квартале; только в нынешнем году одна россиянка забрела в отель Марокко и прожила там некоторое время между нашими запорожцами, но и то поневоле. Впрочем, россиянки очень умно делают, что и не живут в Латинском квартале, ибо в них здесь не ощущается ни малейшей надобности и самим им здесь делать нечего.

Общество елисеевцев складывается из весьма разнородных представителей российской гражданственности. Здесь есть господа, гувернеры, учителя, горнич-

ные, лакеи и даже кучера русского происхождения. Русский Латинского квартала всегда «сам помещик, сам боярин, сам холоп и сам крестьянин». Елисеевцы бывают всех возрастов, начиная от того, в котором человек не умеет утереть своего носа, до того, в котором человек чувствует желание утереть нос своему ближнему. Тут есть самые почтенные старцы и самые юные дети. Русские Латинского квартала всегда народ молодой, включительно от 25 до 40 лет. Это — студенты, молодые профессоры, корреспонденты газет и журналов и изредка художники. Женщин русских с ними никогда нет, и они, для усовершенствования себя в разговорном языке, живут большею частью с француженками: цветочницами, модистками и прочими подразделениями породы французских гризет.

Чувствую, что мне как-то не удастся охарактеризовать парижское общество и репрезентировать его вам в кратком очерке; но полагаю, что и из сказанного все-таки можно понять, что латинцы и елисеевцы — люди совершенно разного сорта и что о тех и о других из этих сортов непременно нужно говорить отдельно.

ЕЛИСЕЕВЦЫ

Отдельною, самостоятельною жизнью живут только елисеевцы-господа. Елисеевцы, занимающие должности лакеев, нянек, горничных и кучеров, существуют без всякого заявления своего непосредственного существования. Они только самостоятельно скучают, жалуются и помышляют о вожделенном возвращении в любезное отечество. Елисеевцы-господа распадаются еще на два подразделения. Елисеевцы-аристократы, т. е. члены русского посольства, несколько придворных дам и два-три семейства древнего дворянского рода, составляют особый кружок. Лица этого кружка знакомы между собою, имеют общих знакомых в аристократическом французском обществе Парижа, и, по временам, некоторые из них появляются на придворных балах и раутах императора Наполеона III-го (о котором русская печать, под страхом кары и взысканий, обязана говорить не иначе, как со всею почтительностью, в то самое время, когда французская печать поносит дорогое русским имя нашего благородного Государя). С обыкновенными смертными российского происхождения люди высшего парижского общества сталкиваются только случайно в rue de la Croix, на поповке. Отсюда мы можем видеть, что недаром же религия учит нас верить, что перед Господом Богом все люди равны. Елисеевцы второго разбора суть просто помещики. Эти подрукавные аристократики, удивляющие дома в глуши весь свой муравейник, здесь совсем затериваются и не видны. Они по большей части живут тихо, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Они иногда выдаются между собой, иногда появляются на поповке, но большею частью сидят дома и являют собой пример самой строгой умеренности и осторожности. Между этими елисеевцами и латинцами еще существуют нередко даже некоторые связи, т. е. знакомства, частью еще начатые в России, частью сделанные в Париже или других местах за границею. Потом даже между елисеевцами живут несколько русских очень небогатых дам, которые держатся местностей, занятых елисеевцами, только по неудобству жить в Латинском квартале или, пожалуй, скорее, по недостатку решимости жить там. Женщин этого сорта очень немного. Зимой 1863 года их насчитывали здесь до десяти: три из них жили очень скромно со своими детьми и занимались их воспитанием; две были русские писательницы, живущие свои-

ми трудами, а еще две барышни, одна орловская, а другая, если не ошибаюсь, тверская, нигилистничали, или, лучше сказать, одна из них нигилистничала: бегала с какими-то бумажонками, везде видела шпионов, все собиралась к Герцену, чтобы сообщить ему какой-то план, и жила с одним темным французом, о котором общая молва довольно громко говорила, что он каторжник, бежавший из Тулона и скрывающийся под чужим именем. Это же самое говорила о нем и кичившаяся такою связью сама тверская нигилистка, но я всегда думал, что со стороны молвы это была просто сплетня, а со стороны тверской барышни невинное хвастовство связью со страшным человеком. Я никак не умел себе представить, чтобы при бдительности парижской полиции мог долго скрываться человек с такою странною репутациею, и я не обманулся: последствия обнаружили, что тулонский каторжник, пользовавшийся любовью русской нигилистки, был просто-напросто парижский полицейский шпион (мушар). Впрочем, у нее, кроме этого каторжника, были и другие связи с кем попало, без всякого так называемого интереса. Другая же была посмысленнее и вела свои дела похитрее. Эта с орловскою лукавинкой смеялась в глаза над аристократиками, но минутами подпускала их к себе близко и брала с них деньги. Деньги эти платили ей очень охотно, ибо находили ее очень соленой, что отвечало слову пикантной. Пикантность ее заключалась в ее дерзости и действительно оригинальнейшем бесстыдстве. Впрочем, чтобы облагородить свои занятия, она деньги, ей собираемые, все намеревалась употребить на какое-то общее дело и говорила, что способ добывания ею этих денег известен по тот бок Ламанша и что она как будто имеет оттуда некое благословение поступать таким образом. Но как женщина эта постоянно лгала, на себя и на всех, то я хочу думать, что и в этом случае она также клеветала на наших лондонских русских. На г. Герцена тогда каждый красный дурак и дура спешили взваливать всякую свою глупость, как бы освящая ее герценовским авторитетом и поставляя тем вне всякой ответственности перед чувством и перед разумом.

Времяпровождение елисеевцев-аристократов не стоит никакого описания. Они живут, как живут парижские аристократы, утопая в бездельи и... ну да в чем хотите. Члены посольства возвращаются в своей дипломатической среде, закрытой для нашего глаза, и потому о них я тоже ничего не буду писать.

Для меня, как и для весьма многих русских, вся русская амбада может представляться главным образом только в лице посольского швейцара, отсылающего назад всякого русского, желающего проникнуть в посольство; потом в лице консульского сторожа, с которым русские сидят в передней консула и который обирает их паспорта и выносит им визы, да в лице угреватого консульского писаря, представляющего собою самую высшую особу, какую может быть удостоен русский увидеть из всей коллекции здешних представителей своей нации.

Но об этих членах русской дипломатической семьи буду говорить в своем месте.

Все, что я могу сказать о жизни елисеевцев-аристократов, будет касаться только их отношений к собственным детям и собственной прислуге, и сведения эти собраны мною частью посредством личного наблюдения, частью из расспросов учителей и горничных, которые охотно навещают своих «земляков» в «Карте Латень» и не отказывают себе в удовольствии позаняться с ними очистительною критикою.

Дети у парижских елисеевцев воспитываются чисто по-французски и смотрят чистыми французятами. Елисеевцы небогатые отдают своих детей во французские пансионы или лицеи и по-русски их или вовсе не учат, или же нанимают какого-нибудь латинца давать ребенку в неделю два урока русского языка в приемной комнате того пансиона или лицея, в котором это дитя живет. Пользы от этих уроков вообще очень мало; но все-таки, благодаря им, дети хоть не совсем забывают родной язык и хоть с трудом, хоть плохо, но говорят по-русски, напоминая своим говором говорящих скворцов и сорок. Это о мальчиках. Девочек, помещаемых в пансионы, здесь совсем не учат по-русски, и они растут парижанками. Любопытный патриот в то недалекое время, к которому относятся мои рассказы, мог видеть здесь двух совершеннолетних девушек, невест, которые вовсе не говорят по-русски, а одна из них даже не понимает ни одного слова и сочинения своего отца, известного русского литератора, читала только в безобразном французском переводе. У другой здесь живущей русской дамы, и также русской писательницы, есть двенадцатилетний сын. Ребенок этот когда-то и знал по-русски, живучи с отцом, но, перейдя в руки матери, позабыл все до последнего слова. Елисеевцы-аристократы и елисеевцы не совсем аристократы, но люди с хорошими доходами, воспитывают детей у себя дома и для обучения русскому языку ангажируют тех же латинцев. Дети елисеевцев последней категории гораздо более знакомы с русским языком, чем дети бедные, содержимые в пансионах и лицеях, но все-таки и эти относительно не знают русского языка и растут сущими невеждами по отношению ко всему отечественному. В этом поразительном невежестве столько же виноваты родители, сколько и русские учителя, но, конечно, более родители, от которых зависит выбор учителей. Говорят, что пять-шесть лет тому назад оседлые русские жители Парижа вовсе не заботились об обучении русскому языку своего благородного потомства; но с воплощением некоторых новых идей в России и парижские россияне порешили, что детей российских дворян, как ни вертись, все-таки нужно немножечко поучивать русской грамоте, поучивать хоть настолько, чтобы отечественная письменность была им приурочена не менее, чем лавочному мальчишке, записывающему в серую тетрадь продажу свечей и мыла; чтобы каждый из этих подрастающих столпов отечества со временем мог собственноручно написать своему секретарю: «Сумлеваюсь штоп я мох бить па балесни в засидании Совета».

В это же время, когда в Париже была признана необходимость такого знания русского языка, там появился новый ассортимент:

РУССКИЕ УЧИТЕЛИ

Сюда стали наезжать люди, не имеющие никакого пособия из отечества, с твердой решимостью жить в Париже своими трудами. Из этого сорта латинцев берутся в русские дома учителя. Сначала этих учителей было очень немного. Еще в 1861 году считалось в Латинском квартале, говорят, не более трех человек, проживающих своими уроками. Несмотря на всякое отсутствие педагогической подготовки в первых искателях русских уроков, им давали тогда очень хорошую плату — не менее десяти франков за урок, что составляет около трех рублей по нынешнему денежному курсу. Но к зиме 1863 года людей, ищущих русских уроков в Париже, набралось очень много, и плата за уроки, вследствие конкуренции, стала падать и наконец понизилась до 1 рубля 50 коп., т. е. до 6 франков за

урок. Но и при этой плате человек аккуратный и трудолюбивый может еще без нужды жить в Париже и иметь время слушать лекции в Collège de France или в какой-нибудь из высших специальных школ. Я знал много поляков и двух русских, которые жили таким образом и сами учились медицине или правам, а один наш политический эмигрант, Сахновский, даже приготавлился к сдаче экзаменов в высшую военную школу в Меце.

О достоинстве парижских русских учителей нельзя сказать ничего хорошего или, по крайней мере, очень мало. Они более достойны внимания как смельчаки, решившиеся ехать в Париж с одною русскою надеждою на авось; но как педагоги они ничего не стоят. Светлое исключение составлял в мое время некто одессец родом, г. Чербаджиоглу, которому я вовсе не хочу делать рекламы, но о котором не могу не упомянуть как о хорошем, способном учителе. Он имел очень много терпения, сноровки, довольно светлые понятия и безукоризненно-добросовестно занимался своим делом. Но это один-единственный человек, которого можно было указать во всем Париже; а из других «профессоров», которых я знал наперечет, я бы ни одного не решился порекомендовать никакому человеку, не желающему уродовать своих детей. Это — бездарность, наглость, ненасытимое корыстолюбие и ко всему этому нередко глубочайшая нравственная испорченность. Я не говорю этого обо всех (обо всех огулом я только решаюсь сказать, что они из рук вон плохи и учить детей неспособны), но говорю, что есть таковые и что они все-таки воспитывают русских детей, т. е. обучают их русскому языку и объясняют им русскую жизнь и историю. Если бы я мог показать некоторых из этих господ честному и благомыслящему читателю, то он или бы расплакался до слез, или бы расхохотался до колотья в подреберья. Из не злых, но бесполезных учителей тут есть, например, почтамтский чиновник, которого мы звали в шутку «Северным Почтальоном», не подозревая тогда, что кличка эта на Руси вскоре гораздо более пригодится другим людям, ведомства не почтамтского. Наш «Северный Почтальон» пренаивно рассказывал, что он приехал в Париж сделать себе отсюда карьеру в России.

— Как же вы ее будете делать? какую карьеру?

— Протекцией.

— А протекцию где возьмете?

— Уроки найду; ну а там сойдусь, понравлюсь.

— Чему же вы будете учить?

— По-русски-с буду учить.

— Вы учили когда-нибудь?

— Нет-с.

— Как же вы это надумали?

— Протекции никакой нет-с в России: там куда же я, почтамтский чиновник, сунусь? Я сюда и приехал.

— Да ведь вы здесь пропадете.

— Нет-с, ничего-с. Я протекцию нашел.

Я просто диву дался.

— Какая же это протекция вам в Париже?

— Я у батюшки был-с.

— У которого?

— У отца Иосифа.

— И что же?

— Обещал устроить-с на уроки.

Прошел месяц, встречаю я опять этого же господина и спрашиваю: «Ну что? как вам живется?»

— Ничего-с, хорошо.

— Есть уроки?

— Слава Богу-с, шесть уроков в неделю.

— Почем же?

— По пяти франков-с!

— Что ж! Это хорошо.

— Ничего-с.

— А о протекции-то уж забыли.

— Нет-с. Как же можно-с. Я у князя Z. даю уроки-с. Буду просить письмо-с. Их брат большое лицо в Петербурге. Графиня Y. тоже-с обещала писать обо мне.

— Долго же вы теперь останетесь за границей?

— Пока, Бог даст, улажусь.

Я оставил этого господина в Париже. На лето он собирался выехать со своей графиней в Ниццу, а там уж, верно, уладится и придет с готовой протекцией в Петербург и подлезет к большому человеку.

Этот учитель только дурачок и пролаза, лакейчик, искатель протекции. Таких есть, с небольшими оттенками, еще человек пять-шесть. Все они круглые невежды и люди самые пошленькие, натурки самые обыденные; но еще они не крайняя степень гадости в парижском педагогическом русском мире.

А есть в ряду учителей люди, которых и к собакам пустить нельзя: собак развратят и погубят. Есть такой господин П. А. Ко—ч. Ему в 1863 году было от роду всего двадцать два года, но он уже прошел, как говорится, через огонь и воды и медные трубы. Все видел и всего откушал. Был в университете, исключен, по требованию товарищей, за безнравственное поведение; был подносчиком в публичном доме; был на попечении у старой чухонки в Петербурге; был мизераблем; встретил своего монсиньора Бьенвеню в лице молодого русского литератора В—ва. Тот его одел, обрядил, поместил с другим подобным же молодым мизераблем в особой чистой комнатке и стал заниматься их нравственным развитием и умственным образованием. Но тут мизерабл занялся таким видом эпикуреизма, что русский монсиньор Бьенвеню, застав их на поличном, наградил каждого десятью рублями и выгнал из дома. Отсюда мой парижский знакомец потянулся в Киев, прослыл там Фейербахом и, залучивши в свои руки некоторую капитальную сумму, унесся в Европу. В Париже он нанял две комнаты, завелся баронессой, под чужим именем давал сомнительные денежные расписки, простоял несколько неприятных минут перед судом сенского префекта и наконец, по рекомендациям с поповки, сделался учителем в аристократических русских домах в Париже. Его ласкали и отец Васильев, и отец Прилежаев, и, вероятно, считали это в своих обязанностях, ибо не смущались слухами, распространенными о Ко—че. Историю же его трудно было не знать: ее, с самыми мелочными подробностями, знал целый Латинский квартал. Одни шутили над ним и называли его «madame Поль», другие от него просто отворачивались, но никто о нем не думал иначе, как о дряни, не стоящей никакого внимания. Вдруг наш Поль получает 700 франков в месяц за уроки и бывает в домах самых заметных ели-

сеевцев-аристократов.

Этот Поль был человек удивительно наглый. Он очень любил выставять на вид свои успехи и колоть ими глаза бедным латинским труженикам, сходящимся по вечерам в Café de la Rotonde потолковать о новостях, почитать газеты и выпить по кружке пива. С 700 франков в кармане, он ходил всякий вечер в Café, садился, громко требовал американские гроги и заводил задорные разговоры.

— Как это вы обделяете ваши делишки, Поль? — спросит его кто-нибудь.

— Еще бы! — ответит. — На наш век дураков-то хватит.

— Да где вы их отыскиваете?

— А поповка на что! Там только будь смирен яко агнец, так все будет.

И захохочет.

Искусство обделять свои делишки и обставлять себя в Павле Ко—че было необычайное.

Впоследствии этот господин так оскандализировался в Париже, что русские сделали сходку и положили на этой сходке обсудить, что сделать с этим человеком, который, называя себя студентом, посланным от Киевского университета, не предъявляет никаких доказательств, что он послан от университета, а, между тем, ест в ресторанах по-хлестаковски на счет датского короля; дает фальшивые расписки; обирает гризет; приобрел себе фавор у известных бугроманов и наконец проворовался и распускает слух, что он тайный агент русского правительства в Париже. Чтобы придать этой сходке более солидный характер, русские послали извещение нашим священникам, консулу и его угреватому писарю, прося их, не удостоят ли они почтить своим посещением сходку, которую русские нашлись вынужденными сделать в квартире гвардейского офицера Лукошкова, чтобы решить, что сделать с Ко—чем, который марает русское имя и за которого мы уже не раз платили деньги из своих тощих кошельков, чтобы только не всплывали наружу его мелкие и грязные делишки, позорящие русское имя и правительство, которого Ко—ч стал рекомендовать себя тайным агентом.

Ни священники, ни консул, ни его угреватый писарь, никто не удостоил выслушать, что было сказано на этой сходке. Никто не приехал, и этого мало, что никто не приехал, но хозяин квартиры, где была сходка, г. Лукошков, был приглашен в дом посольства, где ему одним из членов консульской канцелярии вменено в вину дозволение сходки русских в его квартире и взято с него слово впредь ни под каким предлогом такого бесчинства не допускать. Тогда русские решились просить нашего посла, г. Будберга, об удалении почтенного соотчича за границу Франции, но, поохлажденные опытными людьми в своих упованиях на способность русского посольства снизить до внимания к делам чести частных русских людей, просто положили не знать г. Ко—ча и отречься от всякого с ним общения.

(Теперь это все, говорят, не так. Корреспондент газеты «Голос» г. Щербань нашим посольством нахвалиться не может. Просто русское сердце замирает от радости, как читаешь, что за участливость являет ныне русским это посольство; но в мое время было так, как я рассказываю.)

Но обо всей этой истории с Ко—чем будет рассказано подробно, при описании российских скандалов в Париже. До последнего же казуса сказанный господин обучал детей и являлся всякую неделю со смиренным видом на благодетельную ему поповку.